

УДК 329.05(470+571)

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ПАРТИЙНОГО СПЕКТРА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.И. Головченко, А.В. Головченко

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук

В статье рассмотрены основные трактовки идеологий как важнейшего фактора, влияющего на партийный спектр и партийную систему современной России. На основе проведенного анализа авторы приходят к выводу о том, что определенное снижение роли партийных идеологий связано с развитием информационно-коммуникационных технологий воздействия на массовое сознание. Тем не менее идеологии продолжают играть существенную роль в самопрезентации партии и в качестве идейно-мировоззренческой и ценностной основы их агитационно-пропагандистской деятельности.

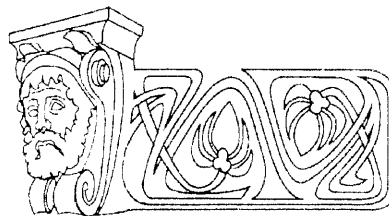
Ideological Basis of the Party Spectrum in Modern Russia

V.I. Golovchenko, A.V. Golovchenko

The paper discusses basic treatments of ideologies as a major factor to influence the party spectrum and the party system in the modern Russian Federation. On the basis of their analysis the authors come to a conclusion that the observed reduction of the role of party ideologies is due to the development of information communication technologies to influence (manipulate) the mass consciousness. Nevertheless, ideologies continue playing an essential role in self-presentation of parties and as the ideological, world-outlook and value basis of their agitation and propaganda activity.

Идеология представляет собой политический феномен, который уже более двух столетий вызывал и продолжает вызывать противоречивое к себе отношение и оценки. Тем не менее сколько бы ни писали в разные годы о «конце идеологии»¹, история XX в. и сегодняшняя действительность свидетельствуют о существенном значении идеологического фактора в политической жизни, особенно в сочетании с воздействием современных средств массовой коммуникации. П.А. Рачков утверждает, что идеология «является жизненно необходимой в любом обществе – и в классовом, и в доклассовом, и в постклассовом, т.е. можно сказать, что она *бессмертна*»². Думается, правильнее говорить о волнообразности динамики массовых воззрений в публичной сфере. Например, К. Ясперс считал, что утрата идейности в обществе неизбежно «семеняется нигилизмом», а затем на смену опять приходит «вера в какую-либо идею»³.

Носителями политических идеологий являются, прежде всего, политические партии, вместе с тем многие исследователи указывают на снижение роли самих партий в политической жизни в условиях постмодерна. На-

пример, А.И. Соловьев указывает на то, что ослабление групповой идентификации и индивидуализация взаимосвязей человека и государства формируют новый тип представительства общественных интересов. «Место партийных институтов начинают занимать техноселемедиумы (прежде всего электронные СМИ), которые из простых трансляторов информации превращаются сегодня в связующие структуры между общественностью и властью. И хотя ряд СМИ все еще остается придатком конкретных партийных институтов, принципиальная зависимость от спроса на информационном рынке (все больше определяемого индивидуальными и микрогрупповыми пристрастиями) ведет к постепенной деидеологизации этого политического института, требуя от него совмещения различных оценочных шкал: идеологических, эмпирических, эмоциональных и пр.»⁴.

Тем не менее большинство политологов (даже те, кто не рассматривают идеологию в качестве доминирующего фактора) соглашаются в необходимости учитывать ее как важный элемент внутренней жизни партий и межпартийной конкуренции. Многие современные авторы продолжают рассматривать идейные различия в качестве важнейшего обстоятельства, определяющего ключевые параметры партийных систем и особенности функционирования самих партий. Главные аргументы лежат в области теории рационального выбора. В соответствии с ней избиратель, чтобы определить, какой из претендентов удовлетворяет его политическим предпочтениям, должен располагать информацией о них. Очевидно, что получение информации обо всем пуле кандидатов сопряжено со значительными сложностями. Информация же о партиях более доступна, и рядовой гражданин обычно имеет какое-то (пусть смутное) представление о том, чего можно ожидать от той или иной из них. Иначе говоря, партийная аффилиация снижает уровень неопределенности, тем самым снижая и связанные с выбором транзакционные

издержки. Соответственно при прочих равных условиях рациональный избиратель отдаст предпочтение партийному кандидату⁵.

В этой связи возникает вопрос: почему российские партии так и не стали идеологическими институтами и рупорами определенных слоев общества? Каковы перспективы укрепления идеологических основ партийных программ и соответственно идеологических, рационально осмысленных мотивов голосования граждан за партии? Есть ли подвижки в развитии партий и партийной системы в данном направлении?

Формирование современной российской многопартийности, с одной стороны, в концентрированной форме вобрало в себя все проблемы, с которыми западное общество сталкивалось и которые решало на протяжении длительного времени. С другой стороны, этот процесс достаточно сильно отличается от формирования западной многопартийности. Одной из специфических особенностей является то, что российские партии до сегодняшнего дня не справляются с функциями идеологических единиц, отстаивающих политические права и интересы соответствующих слоев граждан. Причиной тому является расплывчатое идеологическое позиционирование, уменьшение социальной и политической определенности партий, их стремление как можно шире удовлетворить запросы электората и различных групп интересов, зачастую противоречащих друг другу. Это приводит к «эклектичности и сиюминутности политических платформ партий»⁶.

Кроме того, нельзя не согласиться с О.Ю. Малиновой в том, что «идеологии, очерчивающие главные политические альтернативы развития в современном обществе, не есть нечто раз и навсегда данное и застывшее: если связки идей когда-то формировались, то они могут и реформироваться»⁷. На наш взгляд, идеологические основы партий-фаворитов в современной России практически подтверждают правильность подобных утверждений.

Партийный спектр современной России представляет собой чрезвычайно подвижный феномен. Он подвержен трансформациям, которые обуславливаются как внутрисистемными причинами, так и целенаправленными действиями властей. Причем в последние годы именно власть, прежде всего исполнительная, выступает основным субъектом партийных преобразований. Некоторые

исследователи говорят о партийной реформе как о целом комплексе мер, осуществляемых администрацией Президента В.В. Путина⁸. Тем не менее, на наш взгляд, усиление роли партий сдерживают особенности институционального дизайна, которые приобрела политическая система России в результате принятия Конституции в 1993 г. Суть их заключается в том, что отсутствие партийного правительства не позволяет отвести идеологическому фактору ту роль, которую он сыграл во многих демократических странах в ходе эволюции политических систем.

Первая фаза формирования партийной системы в современной России включает несколько периодов. С 1986 по 1990 г. – это период образования и деятельности политических клубов, народных фронтов, различных движений, обществ. Первые политические организации в постсоветской России в большинстве своем носили неформальный статус и не имели четко оформленной и обозначенной идеологии. Вторым периодом (с 1990 года) связан с появлением первых партий. Образовывались они в основном двумя путями – объединением вокруг какого-либо лидера с харизматическими чертами, а также на базе преобразовавшихся путем слияний и разъединений различных политических движений, клубов, фронтов и обществ⁹.

По мнению ряда исследователей, в период возникновения многопартийности в России (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) для многих политических партий, тем более для всех ведущих, идеологический аспект играл главенствующую или принципиально важную роль: «социализм, либерализм, национализм, консерватизм, патриотизм, демократизм и другие идеологические концепции легли в основу платформ отдельных партий (КПРФ, ЛДПР, Аграрная партия, Демократическая партия, ДВР и другие)»¹⁰.

На наш взгляд, нужно учитывать, что данные идеологические основания партийных платформ концептуально подготовлены были очень слабо. В основном они были либо заимствованы у представителей западной политической мысли, либо копировали программы соответствующих западноевропейских партий, либо представляли собой политическую реинкарнацию идей российских дореволюционных мыслителей и представителей российской эмиграции. Российские постсоветские реалии, особенности социаль-

но-экономического положения и социокультурные характеристики населения практически не учитывались.

Можно предположить, что представители различных общественно-политических движений надеялись с помощью заполнения вакуума, который образовался после разрушения социалистической идеологической системы и возникшей идейной сумятицы, быстро структурировать общество на новой плюралистической демократической идейно-мировоззренческой основе. Эта новая идейная структура должна была институализировать и легитимировать формирующуюся политическую и партийную системы.

Одной из главных задач сторонников либерально-демократических преобразований представлялось разрушение основ ненавистного им тоталитарного государства и создание условий, при которых его возрождение было бы невозможным. При этом не учитывалась специфика сложившейся социокультурной и социопсихологической ситуации в постсоветском обществе. Недовольство состоянием советской системы, накопившееся в 1980-е гг., не имело в своей основе новую «капиталистическую» систему ценностей во всем ее объеме. Напротив, это было массовое недовольство, аккумулированное преимущественно на основе «социалистической» иерархии ценностей, но под воздействием западных стандартов материального уровня жизни. Тем самым было заложено не только ценностное противостояние сторонников либеральных преобразований и защитников социалистического образа жизни, но и противоречие внутри каждой политической субкультуры, которые проявлялись и сказывались на общественных преобразованиях на протяжении всех 1990-х гг.¹¹

Значительная часть населения не согласилась до конца отказаться от достижений социализма и его ценностей и соответственно не приняла полностью победу либерально-демократических ценностей в том виде, в котором они были реализованы. В результате определяющей чертой массового сознания в 90-е гг. в условиях идейно-ценностного и нормативного вакуума стали предельная дезориентация и неустойчивость политических и иных представлений¹².

Полагаем, не совсем верными являются утверждения о том, что выборы в Государственную думу 1993 г. оказались самыми идеологически детерминированными в но-

вейшей российской истории: «преодолеть пятипроцентный барьер смогли 8 избирательных объединений, подавляющее большинство из которых имело четкую и ясно идентифицируемую идеологическую окраску (Аграрная партия России и Коммунистическая партия Российской Федерации предлагали обществу идеи левого толка. «Выбор России», Демократическая партия России, движение «Явлинский – Болдырев – Лукин» проповедовали идеалы свободного рынка и демократические ценности западного образца)¹³.

На наш взгляд, это соответствовало действительности лишь в смысле намерений лидеров различных партий продемонстрировать обществу наличие у них такой идеологии. Анализ программ партий данного периода и различных исследований по этой проблематике¹⁴ позволяют нам утверждать, что в действительности такой партийной идеологии, концептуально и логически завершенной, адекватной реальным условиям постсоветской России и ее специфике не смогла предложить ни одна партия.

«Выбор России» предлагал обществу легитимировать либеральные ценности начала XIX в., на основе которых в постсоветской России насаждался «дикий капитализм» со всеми его противоречиями и негативными последствиями.

Демократическая партия России (ДПР) акцент делала на необходимости внедрения в политическую практику общечеловеческих идей и ценностей, проверенных мировой практикой. Однако большая часть этих идей в демократических странах вошла в структуру всех метаидеологий в специфическом содержательном их понимании (консерватизм, неолиберализм, социал-демократия: каждая из данных идеологий по-своему трактует свободу, социальную справедливость, роль государства в обществе и т.д.). ДПР не смогла предложить свое собственное содержательное наполнение общечеловеческих ценностей, которое адекватно воспринималось бы населением России. Акцент делался на абстрактной их роли в жизни общества.

Движение «Явлинский – Болдырев – Лукин» продвинулось в концептуализации своей либеральной идеологии дальше других, но не получило поддержки в связи с тем, что реальные преобразования осуществлялись под лозунгами радикальных либералов, которые тем самым дискредитировали в глазах

общества идеологию либерализма в целом, без различения предлагаемых партийных вариантов.

КПРФ в тот момент, по сути, предлагала второй раз «войти в одну и ту же реку», т.е. восстановить идеологические основы социалистической системы, которая не смогла себя защитить в 1991 г. под натиском объективных и субъективных обстоятельств.

Аграрная партия России в своей политической программе повторяла идеи и ценности КПРФ, а в социально-экономической ее части акцент делала на необходимости особой государственной поддержки корпоративных аграрных интересов.

Либерально-демократическая партия России предлагала обществу идеи национал-патриотического толка, которые не были связаны единой доктринальной системой и логически противоречили друг другу. Тем самым программа ЛДПР с идеологической точки зрения может быть охарактеризована как популистская и демагогическая.

Очевидно не идеологическими в тот период были Партия российского единства и согласия, а также движение «Женщины России», программы которых акцент делали соответственно на региональных интересах и особых интересах женской половины населения России.

Таким образом, анализ позиций партий, объединений и блоков 1993 г. показал, что из 13 политических организаций, которые принимали участие в выборах 1993 г. большая часть серьезно не обозначила свою идеологическую позицию.

По справедливому утверждению А.А. Вилкова, ситуация осложнялась еще и тем, что в реальной практике «синтез цивилизаций» в ходе реформ характеризовался наихудшим из возможных вариантов: «западный» принцип плюрализма политических партий сочетается у нас с «восточным» принципом их структурирования как противостоящих кланов, выстраиваемых не снизу (на основе трансляции навверх определенных социальных интересов и ожиданий), а «сверху» – под конкретного лидера, подбирающего свою «клиентеллу». Западные механизмы конкурентных выборов сочетаются у нас с самыми грязными технологиями, которые выхолащивают саму суть представительства интересов граждан и дискредитируют идею демократии и ее основные институты и ценности¹⁵.

В 1995 г. в парламентской кампании участвовали уже 43 избирательных объединения, но ситуация наблюдалась та же, что и в 1993 г. – лишь несколько организаций обозначили свою идеологию в названии и особенно в программных документах¹⁶. С возрастанием роли политических информационно-коммуникационных технологий влияние идеологического фактора на партийное строительство и развитие партий как в центре, так и в регионах, стало уменьшаться.

Избирательный процесс во многом стал превращаться в манипулирование лозунгами, обещаниями, именами. В такой обстановке избиратели утрачивали интерес к партиям, к их деятельности. Влияние политических партий на политический и избирательный процессы уменьшилось, а электоральная активность населения, особенно на региональных и местных выборах, снизилась, увеличилась доля избирателей, голосующих «против всех».

По мнению исследователей, из четырех избирательных объединений, преодолевших пятипроцентный барьер три имели определенную идеологическую основу: «КПРФ (левый спектр), ЛДПР (национал-патриотический спектр), ЯБЛоко (правый спектр). Неидеологической партией-победительницей оказалась тогдашняя «партия власти» движение «Наш дом – Россия». Суммарная доля голосов идеологических партий-победительниц составила 40,37% (КПРФ + ЛДПР + ЯБЛоко), НДР получило 10,13%»¹⁷. Думается, что данные партии могут быть отнесены к идеологическим лишь с определенной долей условности. Объясняется это тем, что специфика политической системы России такова, что даже после прохождения партий в парламент не позволяет ни одной из указанных идеологий стать руководством к действию для правительства, оставаясь условным ориентиром и целеполаганием лишь для депутатов соответствующей фракции. Тем самым каждая партия, декларирующая определенные идеологические принципы и ценности, лишалась ответственности за их реализацию и возможности проверить их на практике.

Основное содержание предвыборных программ и платформ избирательных объединений и блоков определила политическая и социально-экономическая ситуация в России, позиция политических сил по наиболее актуальным вопросам развития страны.

Специфику роли идеологического фактора в данный период можно свести к следующим моментам.

Во-первых, фактически все партии и блоки сделали акцент на критике хода социально-политических и социально-экономических преобразований. Характер ее был различен: одни критиковали правительство за слишком высокую цену, которую пришлось заплатить обществу за проводимые реформы; другие критиковали за непоследовательное и затянувшееся проведение необходимых либеральных преобразований. Усиление критического начала в предвыборных платформах еще более ослабило концептуальную идеологическую основу большинства партий, так как значительная часть их в предшествующий период обосновывала необходимость подобных преобразований. Исключением стала КПРФ, у которой критика радикального варианта реформ хорошо вписывалась в заявленную прежде идеологическую конструкцию. Критика действий правительства со стороны других политических сил косвенно лишь подтверждала ее «актуальность и правдивость».

Во-вторых, большинство избирательных объединений и блоков включили в свои предвыборные документы специальные социальные разделы и выдвинули их в своей предвыборной агитации на передний план. Стремясь привлечь наибольшее число голосов, все участники избирательного процесса усилили социальную направленность своих платформ, невзирая на то, что зачастую она нарушала общую логику заявленных прежде идеологических посылов.

В-третьих, значительная часть избирательных объединений и блоков перестали даже пытаться сегментировать электорат по идеологическим основаниям, ориентируясь на решение текущих, но архиважных проблем, затрагивающих базовые интересы крупных социальных групп.

В-четвертых, идеологическая составляющая избирательных кампаний была оттеснена окончательно имиджевыми технологиями. Соответственно усилилась значимость лидерской составляющей имиджа политических партий в ущерб программно-идеологической. Этому способствовало и небывалое большое количество участников избирательного процесса, которое привело к тому, что избиратели физически не могли

познакомиться с тем валом предвыборных программ, которые им предлагали в ходе кампании.

Выборы в Государственную думу 1999 г. стали еще более «безыдейными» в своей массе, чем предыдущие. Несмотря на наметившуюся тенденцию к формальной «идеологизации» партий и более четкому структурированию политического спектра, большая часть избирательных объединений (а всего их было 26), которые принимали участие в выборах 1999 года, также оставались неидеологическими¹⁸.

Преодолеть пятипроцентный барьер смогли 6 избирательных объединений. По мнению саратовских исследователей, число идеологических партий-победительниц оказалось большим, чем неидеологических, а именно 4 против 2. «Доля идеологических партий-победительниц составила 44,72% (Блок Жириновского + КПРФ + СПС + ЯБЛОКО). Доля неидеологических партий-победительниц составила 36,65% («Единство» + ОВР)»¹⁸.

Предвыборные программы в избирательной кампании 1999 г. характеризуются еще большим возрастанием роли имиджевых составляющих. Смысл их сводился к тому, чтобы, с одной стороны, показать принципиальное отличие данной политической силы от других, а с другой – в том, чтобы продемонстрировать свою привлекательность для крупных электоральных групп нередко за счет популистских и демагогических обещаний.

Тем не менее о своей либеральной ориентации заявил блок «Союз Правых Сил», социал-либеральной – Объединение «ЯБЛОКО», левоцентристской – блок ОВР, коммуно-социалистической – КПРФ. «Блок Жириновского» объявил себя идейно-политическим преемником ЛДПР, выступающим с патриотических позиций.

Однако убедительную победу одержало движение «Единство», которое в своих предвыборных тезисах не идентифицировало себя ни с одной из существующих в России идеологий, заявляя о намерении представлять в политической сфере интересы всех россиян.

Одной из причин слабой роли идеологического фактора в деятельности политических партий в России в 1990-е гг. стали особенности массового сознания и политической культуры россиян. Традиционалистское мировоззрение опирается на характерные для российской политической культуры базовые

ценности: справедливость, равенство, честность, Родина, патриотизм, коллективизм. В первой половине 1990-х гг. данную социокультурную составляющую российского общества в значительной степени монополизировали представители левой оппозиции. Однако во второй половине 1990-х гг. стало очевидным, что полностью удовлетворить общественные потребности и политические запросы носителей традиционалистского мировоззрения и соответственно ценностей КПРФ и ее сторонники не в состоянии.

Оказалось, что в России число сторонников традиционализма очень значительно (либералы недооценили, а точнее проигнорировали это обстоятельство) и объединяет представителей самых различных социальных групп. Социальную базу традиционалистов составляют не только жители села, не только представители старшего поколения, но и часть молодежи, работники производственного сектора, часть интеллигенции, духовенство и др. Многие представители этого мировоззрения избавлены от идеализации советского прошлого (присущей для сторонников КПРФ), но одновременно не испытывают особого доверия и к безоглядному заимствованию западных моделей общественного развития. Многие из них отвергают коллективизм (особенно в его социалистическом варианте), но в то же время не готовы к восприятию крайних форм индивидуализма, навязываемых в 1990-е гг. Объединяет представителей данных весьма различных групп прежде всего державническая идея сильного государства, ценности порядка, справедливости (хотя трактуют ее нередко по-разному), патриотизма, авторитет сильного лидера и др. Эти ценности и были использованы после прихода к власти Президента В.В. Путина.

Уже при своем назначении Председателем Правительства РФ В.В. Путин поставил перед кабинетом задачу вернуть доверие населения к государству, а в речи в МГУ 1 сентября 1999 г., которую расценили как программную, утверждал, что у россиян должна быть национальная идея, должна быть мечта. Впоследствии он неоднократно возвращался к данной проблеме, обосновывая, что любое государство осуществляет идеологическую функцию, обеспечивающую интеграцию и целостность социума. При этом подчеркивалось, что обозначенную и желаемую условную государственную идеологию нельзя смешивать с тоталитарной идеологией, которая превращает государство в идеократическое²⁰.

Особая роль в формировании и внедрении общенациональной идеологии была отведена новой пропрезидентской партии. Для этого были успешно объединены «Единство» и «Отечество», первоначально выступавшие как идеологические противники. Представляется, что дело здесь не только в стимулах политической воли, и не в полном пренебрежении к идеологии (напротив, «Отечество» уделяло этому аспекту весьма серьезное внимание и располагало достаточно квалифицированными кадрами для такой работы). Главная причина заключалась в том, что между психологическими моделями самопрезентации, представленными в программах «Отечества» и «Единства», было немало общего. И в том и в другом случае со знаком плюс позиционировались такие качества, как реализм, прагматизм, отсутствие доктринерства, готовность к разумному компромиссу, сила, уверенность, ответственность, мудрость, профессионализм. Обе программы считали недостатком оппонентов догматизм, словоблудие, неумение снять идеологические шоры, пустую оппозиционность, неумение взглянуть на вещи непредвзято, отсутствие ответственности²¹.

Учитывая заявление Президента В.В. Путина о необходимости выработки новой идеологии, «Единая Россия» вынуждена была взять на себя такое обязательство, хотя внятной и четкой ее партийной концепции избиратели не получили до сих пор. Обусловлено это, на наш взгляд, во многом тем, что ориентации на центристские позиции в современных российских условиях и не могут привести к формулированию четкой и последовательной идеологической программы. Главная причина – отсутствие социальной базы центризма в лице среднего класса. Его заменяет разнородное и аполитичное «молчаливое большинство» социума, объединяемое страхами перед неопределенностью и нестабильностью своего существования (коррупция, преступность, терроризм, инфляция, природные катаклизмы и т.д.).

Поэтому борьба с этими страхами и стала главной сюжетной линией политической деятельности «партии власти» и основой ее успеха на выборах в Госдуму в 2003 г. Естественно, что сыграла свою роль и постоянная апелляция к традиционным для большинства российского населения ценностям – патриотизму, коллективизму, сильному государству, патернализму, уравнительности и т.п. Но

их успешное использование в ходе избирательной кампании 2003 г. лишь наметило возможный контур будущей единой государственной идеологии.

На наш взгляд, более успешное ее обоснование произошло в рамках концепции «суверенной демократии». Первоначально термин был использован в программной речи В.Ю. Суркова перед партийным активом «Единой России», а затем неоднократно аргументирован и разъяснен перед российской и зарубежной общественностью. Суверенную демократию он определил как «образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими»²².

Введение данного понятия сразу вызвало неоднозначное отношение и критику со стороны различных политиков и политологов. Проблему суверенной демократии обеспокоили представители всех крупнейших политических партий Российской Федерации, ведущие юристы, эксперты-политологи²³.

На наш взгляд, говоря о позитивных возможностях внедрения такой государственной идеологии в современной России, не следует забывать и о тех потенциальных опасностях, которые она содержит в себе в условиях информационного общества. Думается, что необходимо учитывать значительные возможности СМИ в осуществлении манипуляционных сдвигов во мнениях человека, во встраивании в уже сформировавшуюся структуру мировоззрения новых элементов или использовании старых для коррекции поведения в важной для манипулятора сфере. При этом воздействие осуществляется не только на психологическую, но и на интеллектуальную сферу, когда человеку предлагают рассуждать в соответствии с нужной манипулятору логикой, а не «гипнотизируют» его, оперируя с подсознанием.

В таких условиях формирование государственной идеологии может привести к новой мифологизации и утопизации массового сознания, повторению уже пройденных ошибок. Думается, опасность и последствия мифологической консолидации очевидна. Эта идеология приводит к безответственности политиков, к неумению извлекать уроки

из своей истории. Суть ее заключается в сознательном насаждении мифов как средстве эффективного управления сознанием, парализации возможного сопротивления тем или иным шагам руководства. К сожалению, многие факты последней избирательной кампании «Единой России» в марте 2007 г., ориентированной на неустойчивое электоральное большинство, свидетельствуют именно о манипулировании общественным мнением.

Кроме того, нужно учитывать, что какой бы социальный и нравственный заряд изначально ни несла идеология, став государственной, она начнет развиваться по своим собственным законам – она должна прежде всего обслуживать интересы данного государства. Но интересы государства и общества не всегда и не во всем совпадают. 70-летний опыт советского периода истории России с наглядностью показал возможности и негативные последствия подмены общественных интересов партийно-государственными.

Государственная идеология, стремясь к самосохранению, имеет тенденцию к консервации своих положений и соответственно к догматизации. Тем самым, в конечном итоге, она может подготовить почву для застоя всего общества. Освященная авторитетом нации и государства, идеология способна превратиться в автономную силу, автоматически мобилизующую на свою защиту все находящееся в распоряжении государственной машины средства, вплоть до репрессивных. В данном случае ее заложниками могут стать не только массы населения, но и сами творцы идеологии.

Учитывая эти опасные факторы, на наш взгляд, следует сделать акцент не на формировании завершенной и полномасштабной государственной идеологической доктрины России (идентичной идеологии КПСС), а на выработке базовых ценностей, идей и принципов, признаваемых представителями всех основных политических сил в обществе. Этот ценностный фундамент должен отвечать нескольким главным условиям.

С одной стороны, он должен включать в себя проверенные мировым опытом общечеловеческие ценности (права и свободы человека, и т.п.), а с другой – соответствовать менталитету российского народа, его историческим традициям и политической культуре.

Кроме того, эта государственная идеология должна обеспечивать свободную конкуренцию сторонников различных мировоззрений, доказывающих свою правоту на политической арене. Та сила, которая в ходе политической борьбы докажет свою перспективность, прогрессивность на данном этапе развития общества, получает поддержку избирателей и приходит к власти, а ее идеология становится официальной идеологией и ориентирует государственную деятельность во всех сферах.

Государственная идеология в этом случае будет означать, что различные субъекты политики (партии прежде всего) могут предлагать обществу свои специфические экономические, социальные, культурные и иные программы общественного развития, свои собственные специфические способы решения назревших общественных проблем. Вместе с тем они должны опираться при этом на единый и неоспариваемый никем ценностный фундамент, который признается и поддерживается как ведущими политическими силами, так и большинством населения России.

Важнейшей предпосылкой решения данной задачи является также условие, чтобы у различных общественных групп могла быть реальная возможность и разнообразные коммуникационные и институциональные каналы и механизмы влияния на властные структуры и носителей идеологий. Только в этом случае возможно достижение и укрепление ценностного консенсуса, на основе которого носители различных идеологий смогут получать постоянные импульсы для самосовершенствования, постоянного обновления, трансформации и поиска адекватных ответов на вызовы истории как внутри страны, так и за ее рубежами.

Примечания

- ¹ См.: Фукуяма Ф. Конец истории // *Вопр. философии*. 1990. №3; Голозов Г.В. Становление и развитие российской партийной системы (сравнительный анализ): Дис. ... д-ра полит. наук. М., 1999.
- ² Рачков П.А. О смерти и бессмертии идеологии // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1999. №2. С.42.
- ³ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 146, 298.
- ⁴ Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // *Полис*. 2001. №2. С.11–12.
- ⁵ См.: Медведев Ю.С. Партийное выдвижение кандидатов в одномандатных округах на выборах в российские региональные законодательные собрания // *Полис*. 2006. №3. С.97.

- ⁶ Голозовский К.Г. Партии: кризис или закат? // *Демократия и демократизация на рубеже веков*. М., 2000. С.48.
- ⁷ Малинова О. Когда «идеи» становятся «идеологиями»? К вопросу об изучении «измов» // *Философский век*. Вып.18. История идей как методология гуманитарных исследований. СПб., 2001. Ч.2. С.25–26.
- ⁸ См., например: Авдоин В.С. Партийная реформа и российский контекст // *Тез. докл. IV Всерос. конгр. политологов*. М., 2006. С.4.
- ⁹ См.: Брушкова Л.А. Политические партии в посттоталитарном обществе: возникновение и развитие: Дис. ... канд. социол. наук М., 1993. С. 23–27, 41–46.
- ¹⁰ См.: Феномен многопартийности в российском обществе. Саратов, 2006. С.172–173.
- ¹¹ См.: Вилков А.А. Либеральные ценности в массовом сознании россиян в постсоветский период // «Новая Россия»: Власть, общество, управление в контексте либеральных ценностей: Материалы междунар. науч. конф. Москва, 22 марта 2004 г. М., 2004. С.163–164.
- ¹² См.: Кисовская И.К. Партийная система и перспективы демократизации в России // *Демократия и демократизация на рубеже веков*. М., 2000. С.148.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: Политические партии, движения и блоки современной России. И.Повгород, 1993; Политические партии и блоки на выборах (тексты избирательных платформ). М., 1993; Политические партии России в контексте ее истории. Ростов н/Д, 1998; Россия 2000. Власть и оппозиция. Российский политический процесс 20 столетия. М., 1995; Современная политическая история (1985–1999). Хроника и аналитика. М., 2000; Зотова З.М. Партии России: испытание выборами. М., 1994; Коргунок Ю.Г. Современная российская многопартийность. М., 1999; Коргунок Ю.Г., Заславский С.Е. Российская многопартийность (становление, функционирование, развитие) / Под ред. Ю.Г. Коргунока. М., 1996; Макаренко Б.И. Партийная система в России: эволюция, нынешнее состояние и перспективы. Доклад Московский центр Карнеги. М., 2001; Согрин В. Политическая история современной России. М., 1994; Шмачкова Т.В. Мир политических партий // *Полис*. 1992. №1–2. С.226–233; Дилигенский Г. Российский партийный спектр // *Мировая политика и международные отношения*. 1992. №4; Андреев А. Политический спектр России: структура, идеология, основные субъекты. М., 1997; Журавлева Л.К. Политические партии и партийные системы // *Социально-политический журнал*. 1996. № 3, 4; Яльницьев И.И. Политические партии в регионах // *Проблемы политологии и политической истории*. Саратов, 1996. Вып.7.
- ¹⁵ Вилков А.А. Указ. соч. С.161.
- ¹⁶ См.: Зотова З.М. Выборы в России: взгляд политолога. М., 1996; Российские политические партии и общественные объединения на выборах в Государственную думу –95. М., 1996.
- ¹⁷ См.: Феномен многопартийности в российском обществе. С.174.
- ¹⁸ См.: Политические партии и движения на выборах 99. М., 2000; Политологическая и правовая экспертиза предвыборных платформ и лозунгов 10 ведущих избирательных объединений и блоков на выборах в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации 19 декабря 1999 г. М., 1999; Позиция Коммунистической партии Российской Федерации по выводу страны из экономического кризиса. М., 1999; Изби-

рательный блок «Отечество – вся Россия». Чем мы отличаемся от других: Предвыборный буклет. М., 1999; Правый манифест. М., 1999; Предвыборная платформа Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом – Россия». М., 1999; Программа и Устав Либерально-демократической партии России. М., 1999; Тезисы платформы избирательного блока «Единство». М., 1999; Тезисы к программе «ЯБЛОКА» на выборах депутатов Государственной Думы 1999; Материалы для обсуждения. М., 1999.

¹⁹ Феномен многопартийности в российском обществе. С.174–175.

²⁰ См.: Путин В. Россия не должна быть и не будет полицейским государством // Известия. 2000. 14 июля.

²¹ См.: Программа Общероссийской политической общественной организации «Отечество», утвержденная на втором съезде этой организации 24 апреля 1999 г. в г. Ярославле; Программа общероссийской политической организации – партии «Единство», утвержденная ее вторым съездом 29 октября 2000 г.

²² Сурков В. Параграфы про суверенную демократию // Эксперт. 2006. №43(537). 20 нояб.

²³ Поэтому данная тема требует отдельного самостоятельного рассмотрения.

УДК 323:316.422

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ПЕРЕСТРОЙКИ

Н.Н. Филатов

Саратовский государственный университет,
кафедра государственно-правовых дисциплин
E-mail: FilatovNN@info.sgu.ru

В статье рассмотрены и критически оценены концептуальные основы, представленные в политико-философском альманахе «Квинтэссенция», авторы которого претендовали на теоретико-методологическое и идейно-мировоззренческое обоснование политического и социально-экономического курса перестройки. Проведенный анализ актуализирован с позиции методологической применимости для критического научного осмысления современных концепций демократического транзита.

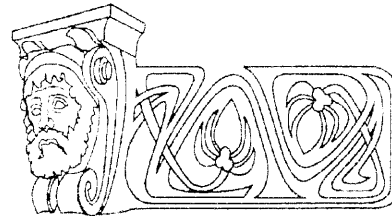
The Peculiarities of Conceptual Foundations of "Perestroika"

N.N. Filatov

In this article the main conceptual foundations, presented in the political and philosophical almanac "Quintessence", are considered and critically estimated. The authors of the almanac pretended to work out the theoretical, methodological and ideological foundation of political, social and economic course of "Perestroika". The fulfilled analysis is actualized from the position of methodological applicability for critical scientific understanding of modern democratic transit conception.

За время российских демократических реформ было выдвинуто большое число экономических, политических, культурных и правовых проектов и программ. Все они имели серьезное научное обоснование и, тем не менее, не были доведены до запланированного результата. Почему? Это тот вопрос и тот опыт, от ответа на который и от осмысления которого зависят многие оценки современных политических реалий. В общем плане, от этого зависит оценка принципиальной возможности для России завершить свой демократический транзит на научных основаниях и с научно прогнозируемым результатом.

Одним из судьбоносных и переломных моментов в истории нашей страны была перестройка, проблемы которой до сих пор

привлекают внимание многих исследователей¹. Неуспех ее политических замыслов нередко объясняют влиянием внешних обстоятельств: что-то непредусмотренное вмешалось в ход событий и разрушило стройность научной программы. Но можно выбрать и другой ракурс, связанный с ответом на вопрос: а так ли «стройна» была сама эта программа? Думается, факт ее нереализованности более, чем с внешними обстоятельствами, связан с внутренними противоречиями в концептуальных основаниях тех суждений, которые выполнили функцию идеологии перестройки. Эти внутренне противоречивые суждения впоследствии объективно создали и предпосылки для либеральной критики любых попыток усовершенствовать социалистический строй в СССР.

Внешне интеллектуальный процесс в период перестройки развивался в нормальном русле. Провозглашен был концептуальный плюрализм². На уровне академической науки декларировалось уничтожение зон, закрытых для научно-исследовательского интереса и критики³. Однако внутреннее качество этого интеллектуального процесса определялось другими факторами. В первую очередь, логикой острого конфликта в конце 80-х и начале 90-х гг. минувшего века традиционных советских и новых либерально-демократических (западнических) идей и ценностей.

На качество этого интеллектуального процесса отчасти влияло и то, что активизировалось стремление отечественных ученых